

Законя

Владислав Кривомазов

Имеющий уши да услышит и еще издали различит по стуку копыт приближающегося всадника. Будь то тяжелый дробный топот боевого коня или легкий трот благородного жеребца, кентер посыльного скакуна либо же неторопливая поступь тяжеловоза — у каждого свой, неповторимый звук.

Но неискушенному человеку легко спутать гонца с беглецом, а гордеца с подлецом. Тут следует знать: ежели, к примеру, едет особа небедная, к роскоши привычная, то — вслушайся! — и звук копыт ее лошади будет особенным, тонким, мелодичным, как звон серебряных монет. А вот всаднику, не обремененному богатством, более присущ звук медный, глуховатый. Доброхот имеет конский ход приятный, мягкий, иной, чем у скупердяя, отличающегося редким лошадиным перестуком, жестким и холодным. Под певцом у лошади копыта словно бы и сами поют, а под трусливым воришкой — как бы присвистывают. Недаром же говорят, по седоку и конь! Так что, коль уж прослышал мягкий звук обернутых в тряпье копыт — беги с дороги, пока не попал под взгляд душегуба. Душегубы свидетелей ой как не любят!

Все эти премудрости старик Сегментий, не одну пару подметок сносивший в пыли дорог, знал как «Отче наш». Случалось ему и под парфорсную охоту попадать, и перекинутым через разбойничьи седла висеть, и на крестьянских телегах коротать путь в разговорах простых и жизненных. Всякое видал!

Поэтому, лишь заслышав за спиной звон копыт, еще не оборачиваясь, уже мог определить, что приближающийся всадник из семьи ремесленника — скорее сапожника, нежели портного: молод, тщеславен и не слишком умен. Родом юноша, видимо, происходил из Дыростола, находящегося в той стороне, поэтому Сегментий живо припомнил тамошнего мастера, у которого некогда чинил свои ботинки, и попытался представить, какой же из трех его сыновей-обормотов теперь мог оказаться на пустынной лесной дороге. Но додумать не успел.

— Старик, далеко еще до города? — Всадник поравнялся с Сегментием. Оказался он светловолос, роста вышел немалого, а в плечах так вообще чрезмерно широко раздался. Из одежды на нем были ладные сапоги, потертые брюки да дырявая куртка на голое тело, а оружие — деревянная дубина, заткнутая за веревку, которая служила незнакомцу взамен пояса. Словом, бандит бандитом.

Конь же в отличие от хозяина выглядел вполне достойно, ибо масти был черной, с густой гривой и пышным хвостом.

— До Столенграда-то? Да вон он там, за лесом, — старик скинул с плеча котомку и махнул рукой вперед, где узкая дорога делала крутой поворот. — До вечера пешком управисься.

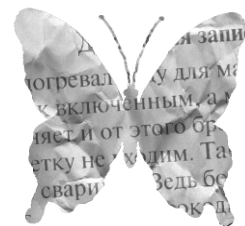
Парень нахмурил густые брови. Остановил коня.

— Ты это на что намекаешь?

— А коня у тебя хочу купить. — Сегментий распахнул котомку, оказавшуюся доверху заполненной золотом. — Продашь?

При виде богатства глаза парня загорелись.

— Сколько?

СКАЗКА

Старик пожал плечами:

— А половину бери. За такого красавца не жалко. — Он похлопал коня по шее. Тот опасливо скосил взгляд, но не отпрянул. — Откуда у тебя это чудо?

— Чудо! — фыркнул парень. — От папани досталось в наследство. Все лучшее остальным братьям раздал: старшему — дело, среднему — деньги. А мне вот Граблю... Скажи, старик, почему так всегда выходит: если младший, то дают худшее? Я же и сильнее, и умнее, да что там скрывать, и красивее других братьев. А мне коня... А куда мне он? Что с ним делать?

Сегментий поцокал языком:

— Кто знает, кто знает... Такой конь — тоже немалое богатство.

В ответ незнакомец лишь хохотнул:

— Ну, малое не малое, а твоего хватит. Ладно, по рукам!

Так и разменялись. Парень пешим ходом побрел дальше, весело посвистывая, а Сегментий остался стоять на месте, рассматривая свою покупку.

— Тебе как звать-то, добрый человек? — всласть нагладевшись, окликнул он бывшего конского хозяина. — Кого перед богом благодарить?

Обернувшись, незнакомец представился:

— Мать Ладаном назвала, отец Крошем величал, а в народе, стало быть, Ухарем зовут, а уж за что, то народ и спрашивай. Порой такого навывдумывают, что хоть садись, хоть падай! — И, чуть подумав, добавил: — А конь на Граблю откликается. Да ты садись, не бойся, не скинет!

Сегментий лишь улыбнулся, кротко ответствовал:

— К чему чужие ноги гнуть, когда свои есть.

Ухарь покачал головой, верно подумав, что старик совсем умом тронулся, но виду не подал, а лишь поудобнее перехватив нежданное богатство, завернутое в куртку, двинулся по направлению к Столенграду.

И вдруг промчалась!

Сегментий-то по многолетней привычке сразу отскочил в придорожные кусты, а парень так и остался стоять на месте с открытым ртом, разжав руки и дав золоту рассыпаться на дороге.

Только и запомнилась стройной фигуркой на изящном скакуне да тонким ароматом загадочных трав.

Вроде бы зеленоглазая...

Ч-черт!

Славен город Столенград, царская столица! Наряден, румянен, как девица, как каравай хлеба кругл и душист. Раскинулся у речки, и — красота! По краям башнями украшен, стеной опоясан, ворота во все четыре стороны. А дома все разные, один на другой не похожий, и улицы узкие, кривые, словно мысли в голове путаются, будто язык после доброй чарки заплетаются. Попробуй, гость, пройти — не выберешься. Будешь век плутать, городом восхищаться.

Но прежде чем соберешься войти сюда, помни — стража на границах Столенграда зорка, грозна, не всякого еще и пустит...

Старик оказался прав: Ухарь добрался до города лишь на закате дня. Вымотался донельзя. Постоял недолго, собираясь с силами, почесал маковку, разглядывая расписанные похабными надписями стены, после сплюнул и направился к воротам.

Стражников на первый взгляд было не видать, но ежели прислушаться, то сразу становилось понятно — здесь они. Из сторожки доносился разговор:

—...А ты глаза-то, глаза ее видел? Ух, какие!

— Глаза... С такой кормой глазенки не важны. Такую бы на кровать да...

— Экий ты, Ужас... Эй, а ну стоять! — Вдруг заметив подошедшего путника, один из стражников выскочил из тени сторожки и мигом очерился, словно старый пес. — Кто такой? Куда направляешься? Почему в таком виде?

Я тоже нехотя поднялся и следом за Сдохом подошел к незнакомцу. Вид его обнаженного торса как раз меня не особо огорошил: к вечеру напекло так, что ух!

— В куртке что? — А вот самодельный сверток, несомый здоровым молодцем, заинтересовал меня куда больше, чем имя и цель визита.

— Коня продал, — похвастался Ухарь, достал из куртки монету и дал мне. — Служивые, пропустите, а?

— Продав... — протянул я, запихивая золотой в кошелек. — А может, украл, а?

— Или убил кого, а? — Это Сдох встрял, обиженный, что взятка досталась мне. — Ты на морду-то, на морду его посмотри! Да за версту видно — разбойник!

— Точно! На Ваську-висельника похож, что полгода назад повесили...

— Да вы чего? — попятился парень. — Да я честно продал.

— Ага. Сказочник! Кто же за коня столько отвалит? — Я перехватил ружье и врезал здоровяку промеж ног. Тот с глухим стоном рухнул. — Вяжи его, Сдох. В тюрьме ему самое место...

Да, есть в Столенграде и тюрьма, без нее никак. Без тюрьмы в городе беспорядок, если не сказать хуже, а вот с ней, наоборот, все чинно и благородно. Знай себе стоит на отшибе, в разнообразии домов не лезет, распространяет вокруг тишину и спокойствие.

Однако властителям и блюстителям порядка следует помнить, что тюрьма, она как стойло: не каждый конь в нем выстоит. Ленивый, безответственный так и простоит в нем всю жизнь, даже если и выйдет, то в скором времени воротится, глупый так вообще носу наружу не сунет, а вот свободолюбивого никакие стены не сдержат. Вонь, грязь, глумливая забота надсмотрщиков, грязная солома в углу вместо кровати, тут же отхожее место — это не для него. Запирай двери, ставь замки, смотри во все глаза — все равно сбежит.

Цыган за два года своего заточения убежал больше полусотни раз. Потом, конечно же, ловили, но разве это способно удержать человека на пути к свободе? Способно сломать его волю?

Нет, надсмотрщики-то старались образумить, тут уж им не откажешь в рвении, только все зазря. Оттого и шрамы — все лицо у Цыгана перекошено, один глаз вообще напрочь, а уж о сломанных костях и говорить нечего.

Но не сдался. По крайней мере, так рассказал он Ухарю.

— А ты вот думаешь, как я до жизни такой докатился? — после своего рассказа спросил Цыган у новоявленного сокамерника, давеча в полуживом состоянии заброшенного к нему на побывку. — А коней крал. И вороных, и буланных — всяких. И царских крал, и простых.

— А зачем тебе кони? — прохрипел разбитыми губами собрат по несчастью.

Цыган посмотрел на Ухаря, словно на сумасшедшего, после чего вдруг предложил:

— Я завтра сбегу. Айда вместе?

За последующие два года Цыган с Ухарем убежали больше полусотни раз...

Работа не волк, но конь. Для некоторых, кто капор от попоны не отличает, это ретивый жеребец, вздымающийся на дыбы, лишь только неумега ногу ставит в стремя. Для других же, подход правильный знающих, это верный друг, несущий тебя через всю жизнь и не сбрасывающий с седла.

Но даже если подчинилось тебе умение верховой езды, не гони, ибо пасть может и самый выносливый скакун. Поводья не рви, шпоры не вонзай — веди спокойно, вдумчиво. Успеешь.

Таким правилам подчинялся Долий, третий десяток лет разменявший в своей корчме и еще ни разу в жизни горестей горче, чем мыши в подполе, не знавший. Ладилась работа, радовала хозяйина, вот он судьбу и не испытывал, идя по жизни легкой рысцой. «Цок! Цоц!» — пели копыта. «Цвяк! Цвяк!» — звякали монетами посетители, исправно пополняя хозяйскую казну.

Так и сегодня. За окнами царили мягкие тона, в семье — порядок и покой, в душе — сладкое умиротворение. Несмотря на то что день только начинался, Долий уже имел в кошельке пять монет приятного достоинства от двух постоянных и одного захожего посетителя, посему хорошее настроение домашней кошкой грелось на груди и ласково мурлыкало вместе с хозяином незатейливый мотив веселенькой песенки.

Однако на третьем куплете, когда хозяин уже готов был вывести заливатское «ти-да-да!», дверь зала распахнулась, и в корчму вошел светловолосый здоровяк в кожаной куртке. Не обращая ни на кого внимания, он прошагал прямо к стойке, за которой находился Долий, и заказал пива.

Хозяин покорно исполнил, хотя при взгляде в серые холодные глаза парня сердце его противно екнуло от плохого предчувствия.

— Как дела? — осушив кружку, поинтересовался гость.

— Да грех жаловаться, — промямлил Долий, незаметно отцепив кошелек от пояса и спрятав его в укромное место под стойкой.

Незнакомец кивнул:

— Это хорошо. Хорошо, когда дела идут. Да и видно, что живешь ты не бедно. Это тоже хорошо. Наверное, отбоя от посетителей нет?

— А ты, любезный, с какой целью интересуешься? — Долий чуть осмелел. Благо, что гость был один, а посетители хозяйина в беде всяко не оставят.

— Предложить тебе кое-что хочу, — ухмыльнулся парень.

— И что же?

— Долю в твоём деле. Будем твои доходы пополам делить. Половину — мне, половину — тебе. Это же справедливо? По-моему, справедливо.

— И с какой же это радости я должен тебе долю давать? — подбоченился корчмарь.

Ухмылка незнакомца стала еще шире, обнажив широкие прорехи меж желтыми зубами.

— А с той, что зовут меня Ухарь и мне полгорода так уже платит.

Плечи Долия опустились, боевой задор мигом улетучился. Посетители тоже при имени гостя как-то слишком уж спешно стали подтягиваться к выходу. Оно и немудрено: про Ухаря только глухой и не слышал. Разбойник тот еще! Как бежал год тому назад из тюрьмы, сколотил банду из

отъявленных негодяев и так лютовать начал, что мирный люд только за голову хватался.

— А если я откажусь? — с бесшабашной храбростью вдруг прощал Долий.

— А ты не отказывайся! — Парень схватил хозяина за грудки и чуть было не вытащил из-за стойки.

Помешал тихий голос, попросивший бокал вина. Оказалась девушка. С виду хрупкая, почти подросток. В дорожной одежде. И откуда только взялась? Вот вроде бы и не было, и вдруг — нате! — стоит, скромно потупившись.

Ухарь так и застыл на месте. Долий же не растерялся и, хотя болтал в воздухе ногами, умудрился каким-то невысказанным образом достать бутылку красного и наполнить серебряный, лучший во всей корчме, кубок. Беда не беда, а посетителя обслужить надо!

Девушка тихо поблагодарила и, пригубив напиток, проищила ни к селу ни к городу:

— Если менять, то по-крупному. Землю — на небо. Небо — на Бога. А если жизнь — то только полностью.

Бросила хозяину монету и, оставив бокал почти нетронутым, ушла. А после нее у стойки еще долго держался сладкий запах незнакомых цветов.

И ведь точно зеленоглазая.

Ч-черт!

Управление государством тоже сходно умению верховой езды: опустишь поводья, дашь лошади самой вести, так и уведет в болото, а дернешь слишком сильно — взбрыкнет, да иногда так, что сам же и окажешься под копытами. Или вот уход: гриву причешешь, хвост подвяжешь, а подковы в навозе оставишь. Вроде и красиво, ан смердит как во рту у беса, и посылы украдкой носы зажимают, плохое думают. Разве хорошо?

Шпоры, кнут — это все для глупого седока. Крови много, страданий не меньше, а государство и поныне там, где-то на дне. А пряниками задержишь, так и замучаешься с места трогаться, ибо сытый конь ленив.

Что ни говори, а государство, как и конь, требует верной руки.

Царство же Частички такой руки лет сто уже не испытывало. Дед ее поначалу еще что-то делал, но после плюнул и спился. Муж же сразу удавился, лишь тяжесть короны почувствовал. Вот и выпало на долю царицы мучиться с распоясавшимся народом.

А советники, как назло, один хуже другого: только и знают, что казну разворовывать. Один Гнида чего стоит...

Чтобы отвлечься от тяжелых дум, царица перевела взгляд на стоявшего перед ней Ухаря. Кроме него в тронном зале были лишь вышеупомянутый Гнида и два стражника: я да Сдох, рукой лукавой судьбы вынесенные на вершины сторожевой службы. Стояли мы здесь не просто так, а на всякий случай, ибо гость своей рожей у любого прохожего вызывал неприменную мысль о виселице. Царица не была исключением.

— Так это ты тот самый подонок, что в городе разбойничает? — спросила Частичка.

Висельник кивнул.

— Негодяй, ублюдок, бандит?

Кивнул снова, ощерив в улыбке гнилые зубы.

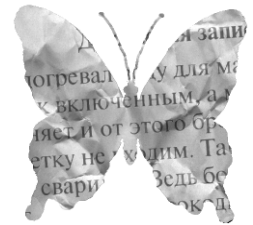
Царица обернулась к пресмыкавшемуся поблизости Гниде:

— Почему допущено такое безобразие?

— Добра ты, матушка. В народе не иначе как милостивая прослыла, — привычно заподобострастил советник.

— Тем и мучаюсь, — согласилась Частичка и вновь свое внимание обратила на Ухаря. — Коней крал?

— Нет, государыня. Но знаю я одного цыгана: нет такой конюшни, где бы он не побывал. Украдет вместе с всадником, если надо.

СКАЗКА

— Надо. Только в такой конюшне твой цыган еще не бывал. Слышал что-нибудь об императрице Катерине?

— Краем уха, государыня. Я родину люблю. К чему мне чужие страны с их правительницами?

— Не лебези, образина, бесполезно. Ну а раз слышал, то вот тебе приказ: у нее коня украдешь. Сможешь — озолочу, титул дам. Не сможешь — с головой простишься.

Повелительно сказала, а в глазах печаль такая...

Но глаза-то не зеленые!

Все войны из-за коней. Государства, как кобылицы, удила закусят, копытом бьют — дай только повод, сойдутся в кровавой схватке...

Добирались до империи на перекладных, одевались простолудинами, прикидывались валенками. Сколько натерпелись — не пересказать. С горем пополам добрались.

Дворец у императрицы Катерины был на загляденье: высокий, широкий, раскинувшийся чуть ли не на полверсты, весь в огнях, в лепнине, колонны, ажурные балконы, мостики, террасы... Ох, проще повеситься, чем красоту эту описывать.

А уж ползти по ней ночью и того горше. Но приходилось.

Цыган-то ловко, словно обезьяна, перебирал руками и ногами, взбираясь все выше и выше по башне, а вот Ухарь отставал. Огромный, неуклюжий — чудом было, что до сих пор не свалился. Но из упрямства лез.

— Коня выкрасть — дело нехитрое, — поделился мыслью Цыган, когда напарники наконец выбрались на узкий парапет. Неподалеку светилось огромное окно императорских покоев. — А ты продать его попробуй. Хорошего коня разве ж отдашь в плохие руки? А плохого кто возьмет? Скажу тебе, атаман, что если красть, то только для себя. Под себя. Но тут масть важна. Не каждый конь тебе подойдет.

— А я вот как-то продал своего коня, — выдохнул утомившийся здоровяк. — Давно уж.

— Зря, атаман, зря. Недоброе это дело. Найди, пока не поздно, обратно выкупи.

— Да где же его теперь найти... Ух!

Прерваться разбойничьего атамана заставило открывшееся за окном зрелище. Тяжелые шторы были не задернуты, и для взоров приникших к стеклу воров явилась во всем своем великолепии спальня Катерины: задрапированные богатыми тканями стены, огромная кровать, шелковые простыни, из-под которых виднелась изящная женская ступня, одной своей формой ясно дающая понять, что ее обладательница красивейшая женщина в мире. А рядом...

— Так что же, она с ним спит?! — пробормотал ошарашенный Цыган.

Его соратник, не менее потрясенный увиденным, просипел:

— Всякое говорят.

— А царице-то тогда он зачем? — не унимался Цыган. — Тоже спать?

— Всякое говорят. — Ухарь наконец пришел в себя и смог совладать с голосом. — А наше дело маленькое — выкрасть. Как дело проворачивать будем?

Цыган почесал затылок:
— Надо подумать...
Думали часа два. Выкрали быстрее.

Весел город Столенград, охоч до забав: что ни год, то ярмарка, что ни месяц — казнь, что ни день — драка. Веселым, огненно-рыжим конем ходит радость от дома к дому, ржет во всю глотку, хвостом пыль метет. А за ней — толпа.

А уж в этот знаменательный для всего царства день за окнами банка «Долий и пр.» голытьба бесновалась так, что хоть святых вон выноси. Простой ведь человек беззаконию рад, словно ребенок, недалеким своим умом считая, будто бы все разрешено, а тот же, кому разум дан, понимает, что закон и порядок — меньшее из зол. Нет, конечно, можно и без них, но недолго и только лишь для праздника.

Что ни говори, а народ, он как конь. Если разнуздан, то суший дьявол!

Хозяин же банка на улицы Столенграда не выходил, даже в окно не глядел, сидел в своем кабинете и тоскливо перебирал бумаги. Не то чтобы там было что-то нужное — все дела еще с утра сделаны. Просто хотелось что-то перебирать, чтобы не смотреть на ухмыляющуюся рожу человека, сидевшего по другую сторону стола.

— Я разве о тебе, брат Долий, не заботился? — тем временем говорил Ухарь. — Не помогал разве тебе? Разве не благодаря мне ты здесь? Банкир Долий, уважаемый всеми человек! Это я тебя поднял. А то так бы и сидел в своей корчме, с медного на серебряный перебиваясь.

— А что мне с твоих денег, Ухарь? Никакой радости, разлад один. Уважают, говоришь? А любит хоть кто-нибудь?

— Полюбят. Я тебя главным казначеем сделаю.

Долий собрался с силами и отложил бумаги. Взглянул в бешеные глаза Ухаря.

— Коня тебе надо.

— Чего?

Банкир с удовольствием увидел на лице бывшего разбойничьего атамана, а нынче разодетого в пух и прах дворянина растерянность.

— Коня, — повторил Долий. — Вот бегаешь, суетишься, никуда не успеваешь, хватаешься за все подряд. Половину дела сделаешь, а уже за другое берешься, то не закончив. А все почему? А коня у тебя нет.

Неожиданно Ухарь расхохотался:

— Ну, брат Долий, ты даешь! Зачем же мне конь? Вона, царице достал я коня, и где она теперь? Куда ускакала? На что народ бросила? На расхват самозванцам? Кто теперь править будет? Наследников не оставила, достойных родственников нет — все барахло одно.

— Дурень ты, счастье Частичка свое нашла. И тебе надо найти. А без коня не найдешь.

— Хватит! — Здоровенный кулак обрушился на ни в чем неповинную столешницу. — Зубы мне не заговаривай. Мне нужны деньги. Много денег. А Столенграду нужен новый правитель, сильный и богатый. Или ты не печешься о своей родине? Насчет возврата не волнуйся, стану царем — все отдам, ты меня знаешь. Ну так что, дашь?

«А куда же я денусь», — подумал Долий...

После этого вскачь пронеслось пять зим. Отзвенела капель, распустилось и увяло лето. Наступила осень.

Жизнь — как конь. У кого она идет неторопливым аллюром, с достоинством мудрого мерина добропорядочного хозяина, а у кого несется, как резвый скакун под звонкой нагайкой неугомонного степняка. Есть и такие, хоть их и меньше, у которых она тянется старой клячей, еле переступая неверными ногами, грозя вот-вот упасть.

Но те, кто знал Чугуна, деревенского кузнеца, могли смело

сказать: вот у этого конь жизни топчется на месте, стреноженный. Уж сколько лет прошло, а кузнец до сих пор все там же, на задворках деревеньки стучит молотом о наковальню. Даже звук, старожилы говорят, ничуть не изменился. Оно и немудрено, к сорока с лишним годам Чугун ни детей, ни жены, ни дома себе нового не заимел — все в своей каморке уютился подле кузни. И как был бобылем, так им и остался. Полную бороду седины вырастил, а ума ни на грош не прибавил.

Даже в подмастерья себе никого не брал — чему учиться? Так бы и помер один, если бы не я да Сдох, в шею выгнанные из царской гвардии. Под метлу нового правителя попали многие, вот и нас вышвырнуло далеко за пределы столицы. Еще и вне закона объявили, как подстрекателей. А уж к чему мы подстрекали — то и для нас самих загадка.

Так что теперь приходилось худо-бедно выживать.

Сама же деревня, где мы теперь обитали, была небольшой, дворов в дюжину. Спереди омывалась рекой, по краям прикрывалась лесом, а сзади имела невысокие холмы, поросшие кустами смородины да малины. Ну и дорога, куда же без нее. Серой лентой она тянулась сквозь редкий ряд домов и терялась где-то в лесных чащах.

Вроде и ничего такого, но как-то не поворачивался язык у заезжих гостей сказать, что, мол, деревня лежала. Лежала не лежала... Располагалась.

Впрочем, до этих мыслей человеку, верхом на чалой кобыле въехавшему в деревню одним осенним утром, было как до Бога. Молодой, светловолосый, но уже с поседевшими висками, могучий, но постепенно оплывавший жиром, одетый неброско, но ладно. Миновав потемневшие от времени избушки, он остановил своего коня возле кузницы и, дождавшись, когда кузнец его заметит и отставит молот в сторону, произнес слова приветствия.

Кузнец тоже не растерялся — отвесил поклон. После чего поинтересовался:

— Зачем пожаловал, добрый человек?

На что незнакомец ответил:

— Посмотрел бы ты мою лошадь, кузнец. Что-то она совсем смурная. Может, подкова расшаталась?

— Можно и посмотреть, — легко согласился Чугун и, подойдя, ловко проверил все четыре конских копыта. После чего, нахмурившись, обратился к лошадиной морде. Заглянул в глаза, открыл рот, пересчитал зубы.

— Эге! — удивленно присвистнул он, завершив осмотр. — Да никак сдохла твоя лошадь, друг.

— Как сдохла?! — опешил спешившийся незнакомец. — Только что же шла.

Чугун пожал плечами:

— Судя по виду, дня два уж как мертвая.

Человек для проверки ткнул пару раз лошадь под ребра, но та даже не шелохнулась.

— Вот басурманская рожа! — вспылал он. — Так и знал, что обманет!

— Кто? — не понял кузнец.

— Да торговец! Еще ведь за полцены предложил. Так и знал, что обманет!

Повздыхали они вдвоем над одной бедой, а после разговорились, конечно. Отчего же не поговорить, если есть о чем? Незнакомец о судьбе своей затянул:

— Думал, правильно живу. Менял все, как полагается, половину на половину. А вышло что? Полжизни как ломоть хлеба! Съел и не почувствовал. Думал, чего-то добился, а чего — до сих пор понять не могу. Вроде и есть все, а вроде и нет. Как получилось? Полбеды променял на полпобеды, вот и итог: в груди что-то вроде половины сердца. Как будто чего-то не хватает.

— Бывает, — посочувствовал кузнец. — У меня тоже жизнь не сахар. Живу, дереву подобно, с места не сходя. В землю эту по грудь врос — уже и не вытащишь. Только и знаю, что кую как прежде, как отец учил. Даже подковы, веришь ли, внутрь гну.

— Как так? Их же лет сто как наружу выгибают? — поразился гость.

— Вот и я о чем. А хочется чего-то большего!

— А ты иди ко мне кузнецом! — предложил незнакомец.

— У меня работы больше.

Чугун нахмурился:

— Куда это?

— Во дворец. Царский, конечно.

— Так ты что же — царь? — Кузнец недоверчиво покачал головой.

Незнакомец печально улыбнулся:

— Ну да, царь.

— Тот самый выскочка, из-за которого народ бедствует и голодает, а царство супостаты по частям растаскивают? Тот, который войну императрице Катерине и ту проиграл?

— Он самый. Хожу вот теперь по земле своей, на беды ее смотрю. Ума набираюсь. Инкогнито, разумеется.

— Эко как! Кому расскажи, что с тобой вот так, за здорово живешь болтал — не поверят! — воскликнул кузнец, но, тут же поскуцнев, добавил: — Да только не хочу я в твои хоромы. Невольно там.

— Это есть, — согласно кивнул царь. — Невольно. Ну, как хочешь. Второй раз не предлагаю — не полагается. Пойду.

— Куда? Пешком? Давай в деревню подмастерьев своих сгоняю, коня тебе возьмут. Для тебя любой отдаст!

На это царь загадочно улыбнулся:

— Нет уж. Как говорил один хороший человек: зачем чужие ноги гнуть, когда свои есть? Видно, не судьба мне коня иметь.

И только он на дорогу вышел, как вдруг мимо промчалась! На сверкающем скакуне, оставляя после себя чарующий запах весны.

Такая зеленоглазая!..

Ч-черт!

Масть важна. Не то чтобы первостепенно, но и небесполезно. Если ты тверд в поступках и уверенно идешь по жизни к намеченной цели, то конь у тебя должен быть вороной, рыжий или бурый. Те, у кого душа две стороны имеет, и лошадь выберут двухцветную: караковую, гнедую, буланую или игрневую. Люди же непростые, в которых сразу и не разберешься, чаще встречаются на саврасых, каурых или мышастых скакунах. А коль встретился тебе всадник на серой лошади, а то и вовсе чалой, то плюнь — не по зубам тебе такой. Сам себе на уме.

Пегие кони, чубарые, тигровые — как жизнь наша, пятнистые, — возят на себе и человека с судьбой нележкой. На светлое пятно наткнешься — повезет. На темное — не взыщи.

Так уж повелось, иначе и не бывает.

Кто-то на это и скажет: что за нелепость! Не конь выбирает всадника, а всадник коня. Но на сей случай есть такая поговорка: коль не по тебе седло, то долго в нем и не просидишь. Либо сам шею себе своротишь, либо конь охромеет, либо, что вернее, цыгане украдут. Цыгане, они в этом толк знают.

Иначе и не бывает.

Тем более странно выглядела парочка, которая брела по лесной дороге стылым осенним утром: сгорбленный старик, ведущий за поводья коня, черного, будто смоль, с редкостной статью, более приличествующего персоне непростых кровей.

Тихо переступал, шаркая сбитыми ботинками по пыли,

СКАЗКА

Сегментий, и в ритм ему брел конь, явно тяготясь подобным темпом. Чувал это и его хозяин. Приговаривал время от времени:

— Не грусти, Грабля, найдем мы тебе седока. Да такого, которого ты достоин. Который ничего за тебя не пожалеет. Вот дойдем до деревни, авось там и есть кто такой.

И брели бы они так еще долго, не раздайся вдруг впереди хриплое дыхание и не вылетит из-за поворота запыхавшийся путник. Выглядел он неважно: взмыленный, раскрасневшийся, весь в пыли. Разве что язык не на боку. По такому сразу видно — не бегун, хоть и здоровенный. Дыхание не хранил, бежал быстрее, чем мог. Неправильно.

Сегментий неодобрительно поцокал языком.

Путник же, поравнявшись с ним, остановился, еле держась на ногах.

— Видел тут?.. — глотая слюну, спросил он старика. — Такую...

— Видел, — ответил тот. — Недавно промчалась. Лихая! Тебе не догнать.

Путник без сил рухнул в дорожную пыль.

— А что, очень надо? — участливо поинтересовался старик, становясь рядом.

Незнакомец лишь кивнул. И внезапно, заметив вороного красавца, взмолился, пав на колени:

— Старик, продай коня! Век благодарить буду! Я царь! Честно слово, что хочешь проси! Все отдам!

Сегментий хитро прищурился.

— Отчего же не продать? Продам, — легко согласился он. — Только всего мне не надо...

На свадьбе я не был — не пустили. Но слышал, будто бы та невеста была чертовски зеленоглазая и краше всех на свете. И что жених выглядел достойным: мудрым и величественным, как и полагается царю. Что пир тот был горой, а мед такой густой, что в усах застревал, в рот не попадая.

Говорят, хоть этому и трудно поверить, будто на пиру видели и Долия-банкира, и Чугуна-кузнеца, и Цыгана-конокрада. И что уж воистину удивительно, среди гостей был и конь, черный как уголь, Граблей именуемый. И сказывают, что на празднике том не было места плохим людям: даже Гнида там насмерть отравился парным молоком.

Кроме того, сидел возле жениха и еще один человек. Сегментий, конечно же! В богатой одежде, с короной соправителя на голове. Но радовался он только за молодоженов, а не своему вдруг свалившемуся богатству.

Можете мне верить, а можете и нет, но полцарства за любовь — это совсем немного!

